

данной ее части. Попутно выясняется происхождение названия даков: к древнему названию даев присоединено суффиксальное окончание *-ак*²².

Вернемся к рассмотрению названия р. Днестр. Не трудно видеть, что оно двухсоставно, а именно Дан (Дон) + Истр, в полном соответствии с названием Дуная: Донувий + Истр, — любопытнейшее совпадение, позволяющее далеко продвинуться в исследовании гидронимии в этнонимии Северного Причерноморья. Кстати, не следует забывать, что один из верхних притоков Днестра называется Стрый. В свете изложенных данных не остается сомнений в том, что название р. Днестра является двухчленным и состоит из тех же частей, как и название Дуная.

До сих пор речь шла по преимуществу об этнических и топонимических названиях. Может ли дать в этой связи что-либо скифская ономастика, скифские личные имена? Вот, например, Идантис — имя скифского царя. Это именно тот царь, против которого, согласно Геродоту (IV, 76, 120) выступил походом Дарий. «Я слышал, пишет Геродот, от Тимна, поверенного Ариапейта, что Анахарсис был дядя по отцу скифского царя Идантиса, сын Гнура, внук Лика и правнук Спаргапейта» (IV, 76). В своей работе о скифском языке М. Фасмер счел возможным сопоставить имя Идантиса с названием агатирсы, которое М. Фасмер считает фракийским²³. Согласно М. Фасмеру, «это имя (агатирсы) может быть объяснено из иран. *aga* — «злой» + *dāres* — «вид», как иранского обозначения татуированных фракийцев». Все это совершенно неосновательно, ни сближения с иранским, ни тем более обоснование этих сближений. Этимологическая оценка племенного названия агатирсы не выдерживает в данном случае ни малейшей критики. «Зловидные» татуированные фракийцы здесь совершенно ни при чем! Было бы в высшей степени странно, если бы агатирсы считали себя зловидными, имеющими отвратительный вид, и эта кличка являлась бы их племенным названием.

Согласимся с М. Фасмером в одном, с его сопоставлением собственного имени царя Идантиса с племенным названием агатирсов и, тем самым, с именем племенного героя-эпонима генеалогической легенды Агатирса. Как было выяснено, название агатирсов является двухчленным и во второй своей части отвечает названию реки Тирис — Тираса. Таким образом, вторая часть имени скифского царя Идантиса находит для себя совершенно определенное объяснение. Первая часть имени отвечает названию *дан*. Его личное имя совпадает с названием племени. Срв. аналогичные совпадения: геты и Гетас, Дромихэт и геты (гет Дромис). Приведенное истолкование имени Идантиса вполне отвечает обстоятельствам. Дарий, перейдя Истр и двигаясь внутрь Скифии по направлению к Днестру и Бугу, прежде всего должен был встретиться с племенами Западной Скифии.

²² «Из тех же надписей (Северного Причерноморья) можно было бы привести до 70 собственных имен и при том явно туземных, в которых *-ак* или *-ад* служит конечной частью имен», С. А. Жебелев, указ. соч., стр. 1, 108, прим. 4.

²³ М. Vasmer, ук. соч., стр. 14.

РЕЛЬЕФЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХАРИТ ИЗ ОЛЬВИИ

И. Б. Клейман

Сложившаяся античная мифология знает, кроме главных олимпийских богов, много второстепенных божеств, составляющих свиту олимпийцев. Несомненно, что в более отдаленное время эти божества имели самостоятельное значение и были объектами культового почитания в определенных центрах древней Греции¹. Такими младшими божествами были у греков нимфы хариты (у римлян грации)².

В доолимпийский период хариты почитались как хтонические божества плодородия³. Такой характер носил их культ в Орхомене Беотийском, где хариты изображались в виде каменных столбов без человеческих черт. Здесь, в центре культа харит, позже происходили посвященные им общегреческие праздники, на которых состязались певцы и музыканты.

В сложившейся по образу и подобию классового общества олимпийской иерархии хариты становятся покровителями радостной и беззаботной, идеальной, с точки зрения свободных граждан рабовладельческого полиса, жизни. Культ этих нимф тесно

¹ В. В. Латышев, Очерк греческих древностей, ч. II, 1899, стр. 5.

² Daranberg et Saglio Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, Paris, 1887, p. 1658 (Gratiae).

³ А. Ф. Лосев, Античная мифология, М., 1957, стр. 37.

связан с почитанием Афродиты, Аполлона и Диониса, а также с одной из сторон божественной деятельности Гермеса⁴.

Уже со времен Гесиода наибольшее распространение в большей части Греции получило почитание трьох харит. Нам известны их имена: Евфросина, Аглая и Галия, что значит соответственно: «Радость», «Блеск», «Цвет».

Культе харит нашел широкое отражение в античной скульптуре. Первыми изображениями харит служили «камни, упавшие с неба» — быть может, метеориты. Затем они получили антропоморфное воплощение. Уже от архаической эпохи сохранились мраморные посвященные рельефы с изображением трех женских фигур. Так, на прямоугольной плите из Фасоса они показаны идущими в длинных одеяниях, трактованных в архаическом стиле⁵.

В раннеклассическую эпоху появляется и на долгое время устанавливается изображение харит в виде хоровода трех нимф. Известен мраморный рельеф, выполненный в строгом стиле, на котором представлены три женские фигуры в широких и длинных одеждах, держащие друг дружку за руки и движущиеся в танце. Подобные рельефы были найдены в Пергаме, Эритрее, Аргосе. Большое количество рельефов с харитами происходят из Аттики⁶. Хариты изображены также на многих античных монетах⁷.

Связь культа харит с почитанием других греческих богов нашла свое отражение в изображении харит совместно с этими божествами. Например, на фрагменте посвященного мраморного рельефа с острова Фасоса, хранящегося в Лувре, мы видим Гермеса, ведущего за собой харит. Хариты с Гермесом изображены на других рельефах⁸. В особенности интересна плита, принадлежащая одному из американских музеев. На ней изображен Гермес, ведущий трех пляшущих нимф, которые держатся за руки. Хариты одеты в длинные одежды. Плита относится к IV в. до н. э.⁹

Если до III в. до н. э. наиболее распространенным было изображение харит в виде движущихся в хороводе и держащих одна другую за руку женских фигур в длинных одеждах, то с этого времени и особенно в первые века н. э. в античных центрах Греции и Италии становится популярным другой образ харит-граций в виде трех обнаженных женских фигур, стоящих кружком, положив руки друг другу на плечи. Средняя фигура обращена спиной к зрителю, крайние лицом¹⁰.

Широкая распространенность изображений харит-граций в том и другом варианте говорит о популярности их культа в античном мире. Почитание харит-граций имело место также в западнопонтийских городах и поселениях, что нашло свое отражение в памятниках¹¹, причем оба варианта изображения харит были здесь известны¹².

Своеобразны небольшие вотивные рельефы из античных городов и поселений с территории Болгарии. В большинстве случаев они из мрамора, некоторые увенчаны нерасчлененным фронтоном и снабжены надписями. Нимфы-хариты высечены в прямоугольном углублении невысоким рельефом. Они изображены в фас, спокойно стоящими рядом или пляшущими. От упомянутых рельефов собственно Греции они отличаются местными чертами стиля изображений и варварским обликом самих харит.

В античных центрах Северного Причерноморья археологическими раскопками и случайными находками также добыто значительное количество небольших вотивных рельефов¹³. Среди них известные рельефы с изображением Кибелы на троне, пирую-

⁴ W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der Mythologie, B. I. Leipzig, 1884—1886, т. I, стр. 383.

⁵ Там же, рис. на стр. 880.

⁶ Там же, рис. на стр. 882, текст на стр. 881.

⁷ F. Imhoof-Blumer, Nymphen und Chariten auf griechischen Muenzen. JIAN, т. XI, вып. 1—3, 1908, табл. I—XII.

⁸ Всеобщая история искусств, т. I, М. 1956, стр. 180, табл. 127; ср. Daranberg et Saglio, там же, стр. 1665, рис. 3650.

⁹ G. M. A. Richter, Recent Accessions of sculpture Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, XXI, № 17, 1926, стр. 258, рис. 3.

¹⁰ A. Baumeister, Denkmäler des Klassischen Altertums, I, Muenchen—Leipzig, 1885, стр. 377, рис. 412. №№ 87, 88, 278, 380.

¹¹ H. Stobozianu, Representari din cultul lui Dionysos si al nimfelor de pe litoralul vestic al Marii Negre, SCIV, 1959, № 2, стр. 289—290, рис. 4—5.

¹² См., например, Г. Михайлов, Гръцките надписи, мамерни в България, т. I. София, 1956, табл. 30, 87; табл. 75, 278; табл. 99, 380.

¹³ ОАК, 1913—1915, стр. 48, рис. 75. М. А. Наливкина, О некоторых памятниках Северо-Западного Крыма, СА, VI, 1940, стр. 107—119, рис. 1, 2, 3. Ю. Ю. Мартин, Новые эпиграфические памятники Боспора, ИГАИМК, № 104, 1934, стр. 64, рис. 4 и 5; аналогичная стела хранится в Одесском государственном археологическом музее. E. Oksman, Antike Skulpturen in Odessa, AA, 1923, № 1—2, стр. 81—94, рис. 9.

щего Геракла, Кибелы с Гермесом и Гекатой и др., а также с изображением харит. Если мрамор был, как правило, материалом, из которого сделаны привезенные из Греции скульптуры, то известняк, в изобилии имеющийся в Северном Причерноморье, стал обычным материалом для местных мастеров. Однако в архаический и классический периоды монументальная скульптура была в этих центрах, главным образом, привозной, причем было немало работ выдающихся мастеров. Но при всем их значении особенный интерес для изучения античного Причерноморья играют произведения местной северо-причерноморской работы, изделия греческих мастеров из Ольвии, Пантикапея, Херсонеса и других центров. Уже в позднеллинистическое время местные мастера выполняют немало скульптур и рельефов, а в римский период их изделия преобладают над привозными. Под влиянием искусства местных племен и в результате «варваризации» культуры античных центров в первые века н. э. складывается особый местный художественный стиль, который характеризуется постепенным органическим слиянием туземных, причерноморских, и античных, греческих, художественных элементов, с явным преобладанием первых, в особенности к концу античной эпохи¹⁴.

К произведениям этой эпохи относятся публикуемые ниже известняковые рельефы с изображением харит из Ольвии, хранящиеся в Одесском государственном археологическом музее.

Местная скульптура Ольвии гораздо хуже изучена, чем скульптура Боспора и Херсонеса. Местные особенности стиля ольвийских мастеров не выявлены¹⁵. В силу этого публикуемые стелы Одесского музея представляют интерес как с точки зрения материала для изучения религиозных культов античного Причерноморья, так и как источник для выявления особенностей изобразительного искусства поздней Ольвии.

Первый из публикуемых рельефов¹⁶ представляет собой прямоугольную плиту, украшенную в верхней части схематизированным фронтоном; высота у вершины фронтона — 31 см, у боковой стенки — 24 см, ширина — 33 см, толщина плиты от 5 до 6 см. Плита грубо высечена из мелкозернистого, плотного известняка светло-кремового оттенка. Лицевая поверхность ее ноздревата в результате выветривания. В изломе известняк мягкий, оставляющий след при прикосновении (ОГАМ, инв. № 50119, рис. 1, 1). На лицевой стороне плиты в прямоугольном углублении размером 27×22 см, образованном фронтоном и выступами (по краям в 2,5 см, нижний — 4 см шириной), рельефом изображены четыре человеческие фигуры. Первая, вторая и третья слева представляют фронтально расположенные женские фигуры в длинных, закрывающих ноги одеждах. Руки их опущены вниз и слегка расставлены в стороны. Кисти на одном уровне и, очевидно, соединены, как у пляшущих в хороводе. Фигуры в хитонах исполнены в виде усеченных пирамидок, увенчанных очертаниями голов без детализации лица. Можно различить только высокие прически или накладки на головах, передан также напуск хитонов. Несмотря на схематичность и суммарность изображений, ощутим ритм движения, который передается приподнятыми плечами и слегка растопыренными в стороны руками всех трех женских фигур. Сравнение с вышеупомянутыми рельефами не оставляет сомнений в том, что перед нами хариты. Четвертая фигура, стоящая с правой стороны, отличается позой и одеждой от трех описанных. Она крупнее, ее голова упирается в верхний выступ рамки. Вся фигура полуобращена к трем женским. Правая рука согнута в локте и поднята на уровень лица, левая лишь слегка обращена в сторону поворота и чуть согнута в локте, правая нога выставлена вперед. Вся фигура хорошо передает движение. Одежда короткая, немного выше колен. Этот короткий хитон, весь характер и движение фигуры, а также сравнение с упомянутыми рельефами, где хариты представлены вместе с Гермесом¹⁶, позволяют и в описываемой фигуре видеть изображение Гермеса. Сохранность рельефа из-за хрупкости материала плохая; поверхность его потерта, нижние углы плиты (особенно левый) оббиты. Рельеф происходит из Ольвии. В старом инвентарном каталоге сохранилась запись о покупке его в 1899 г. у крестьянина с. Парутино¹⁷.

Второй рельеф грубо высечен из крупно-ракушечного известняка с темной пористой поверхностью. Это почти квадратная плита высотой в 38 см, шириной—34,5 см, толщиной 12—13 см. Верх плиты украшен по краям выступами-акротериями. Так же как на первой плите, плоско-рельефное изображение трех женских фигур обрамлено

¹⁴ Ср., например, А. П. Иванов, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 73.

¹⁵ М. И. Максимова, М. А. Налывкина, Скульптура, в сб. «Античные города Северного Причерноморья», 1955, стр. 308-309, 324; ср. А. П. Манцевич, Рельеф из городища Скельки близ Ольвии, КСИА, вып. 11, 1961, стр. 10—20.

¹⁶ См. прим. 8.

¹⁷ Архив Одесского археологического музея, Старый инвентарный каталог, кн. II-а, № 211.

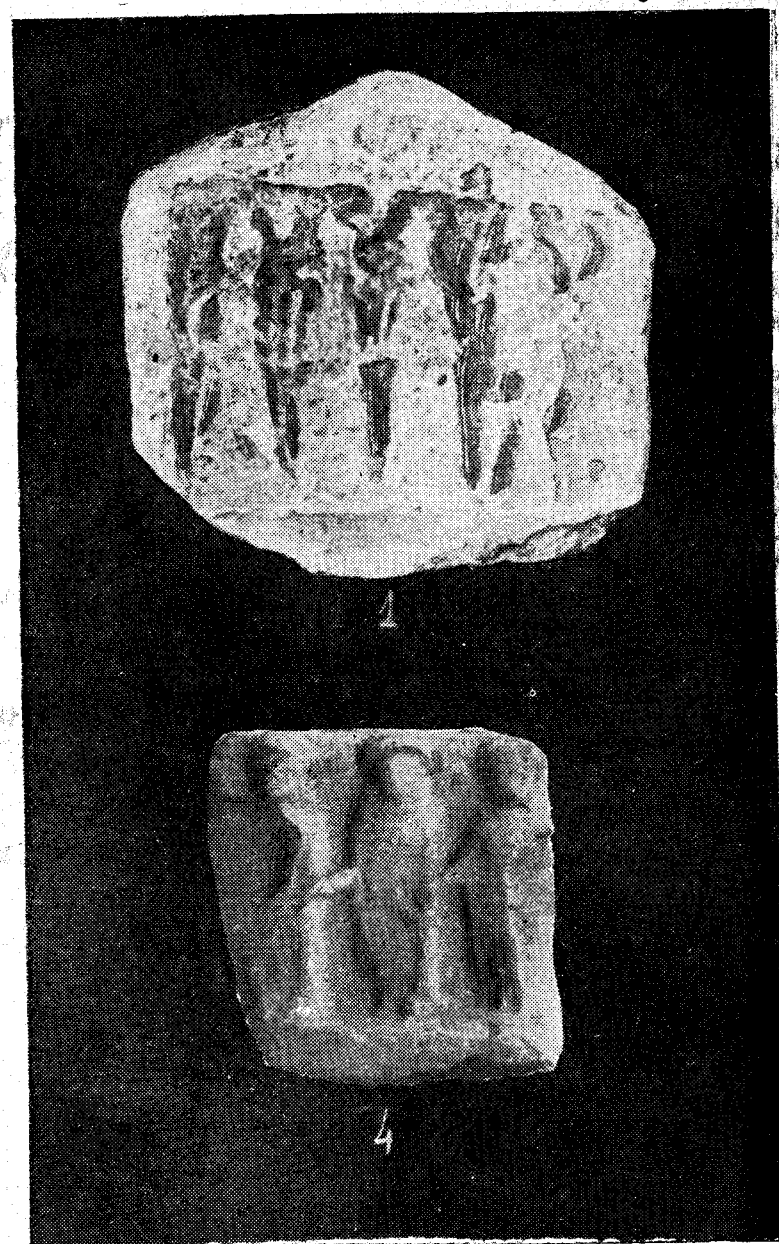

Рис. 1. Памятники с изображением харит (1 — рельеф, Одесский археологический музей, инв. № 50119; 4 — терракотовая архитектурная деталь, Одесский археологический музей, инв. № 21203).

Рис. 2. Рельефы с изображением харит (2 — Одесский археологический музей, инв. № 50208; 3 — музей Ольвийского государственного заповедника, инв. № 0-51-583).

выступающей рамкой-бортиком в 2—3 см шириной. Низ лицевой части рельефа подчеркнут глубокой (3 см) канавкой. В верхней части, над головами харит, рельефно обозначена двойная гирлянда. Фронтально расположенные фигуры держатся за руки. Свободные руки крайних харит лежат на бедрах. И здесь, как и на первом рельефе, изображение дано суммарно: торс и длинный хитон в виде усеченной пирамидки, голова и руки схематичны, без обозначения деталей. И на этом рельефе движение хоровода подчеркнуто приподнятыми плечами и слегка отведенными от туловища локтями. Работа еще более грубая, однако также не лишенная выразительности. Сохранность памятника плохая: нижний левый угол плиты сбит, поверхность ноздревата из-за выветривания и вымывания известняка (ОГАМ, инв. № 50208, рис. 2, 2).

Плита поступила в музей в 1903 г. из г. Николаева, как дар члена Одесского Общества истории и древностей Фогеля. Местом находки ее указана Ольвия¹⁸.

Достоверность происхождения первого и второго рельефа из Ольвии не может подвергаться сомнению, тем более, что с недавнего времени стали известны и другие рельефы с изображением харит из Ольвии. Так, в 1945 г. в Ольвии был найден обломок мраморного рельефа, очевидно привозного, хорошей работы эллинистической эпохи. На рельефе были изображены три взявшиеся за руки хариты. Сохранилась средняя фигура от талии до низа длинного хитона с обеими руками ниже локтевых суставов, соединенными с руками двух харит, стоявших по обеим сторонам. Обломок хранится в музее Ольвийского заповедника (инв. 0/45—1553)¹⁹. В 1951 г. в Ольвии была вновь найдена плита с рельефным изображением харит. Плита известняковая, очень близкая по композиции и манере к описанным выше рельефам Одесского музея. Хранится в музее Ольвийского заповедника (инв. 0/51—583, рис. 2, 3)²⁰. На стеле из Ольвийского заповедника, так же как на стелах Одесского археологического музея, в углублении, очерченном бортиком, в плоском рельефе изображены в фас строго фронтально три хариты, взявшиеся за руки, в хороводе; в такой же манере переданы длинные хитоны. Верхняя часть туловища и голова сохранили только общие очертания, на данном рельефе они еще более суммарные и угловатые. Эта стела отличается тем, что кроме трех женских фигур в правом углу различается изображение предмета, напоминающего поставленный в профиль трон с прямой спинкой и подлокотниками. Плита Ольвийского заповедника высечена из плотного мелкопористого известняка серого цвета с лунками от крупных ракушек. Верхний левый угол плиты поврежден. Задняя стенка также грубо отесана, толщина ее не одинакова — внизу 12 см, вверху — 7—9 см, высота — 29 см, ширина — 43 см.

Таким образом, автору настоящего сообщения известны четыре ольвийские плиты с рельефным изображением харит, что, несомненно, указывает на существование в Ольвии их культа. Если фрагмент мраморного рельефа Ольвийского заповедника является привозным памятником и может быть отнесен к IV—III вв. до н. э., то все остальные рельефы являются произведениями местных мастеров. Суммарный и плоскостной характер изображения, использование в качестве материала местного известняка, грубая его обработка позволяют отнести обе стелы археологического музея и известняковую стелу Ольвийского заповедника к памятникам первых веков н. э.²¹ Грубость исполнения и вместе с тем острая наблюдательность, живость, присущие рельефам, были характерны именно для местных мастеров в первые века н. э. Более ранней следует считать первую стелу Одесского музея с четырьмя фигурами, где еще есть попытка детализировки и более тщательной обработки.

Изображение нимф и харит, подтверждающие распространение их культа, мы находим и на других древних предметах, найденных в Северном Причерноморье:

1. На обломке керамической плитки, возможно являющейся частью терракотового жарниза (Одесский археологический музей)²². Она найдена в г. Керчи и передана в музей в 1901 г. Археологической комиссией. Три женщины в широких хитонах и плащах изображены строго в фас, фронтально. На головах у них венки в виде валиков; правые руки первой и второй фигур справа согнуты в локте и приложены к левым рукам второй и третьей. Задняя стенка плитки гладкая. Сколами повреждены торсы

¹⁸ Архив Одесского археологического музея, Старый инвентарный каталог, кн. II-в, № 517.

¹⁹ В. В. Д а п и н, Мраморная женская головка из Ольвии, КСИА, вып. 9, 1959, стр. 83, рис. 2.

²⁰ Там же, стр. 83, рис. 3. Эти рельефы упоминаются А. П. М а н ц е в и ч, указ. соч., стр. 308—310.

²¹ В. Д. Б л а в а т с к и й, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 82—84; М. И. М а к с и м о в а, М. А. Н а л и в к и н а, Скульптура. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», ст. 308—310.

²² Инв. № 21203. Размер 8,5 см × 8 см. Глина грубая, красного оттенка; см. рис. 1, 4.

крайних фигур, почему и невозможно судить о положении их свободных рук. Изображения обобщенные, без четкой детализировки лица, пальцев рук; фигуры приземистые, статичные, архаического облика. По стилю рельеф может быть отнесен к первой половине V в. до н. э.

2. На бронзовом зеркале, найденном в 1884 г. в г. Керчи, среди других предметов инвентаря захоронения в склепе. Это поздний тип харит-граций. Они изображены в виде трех обнаженных девушек стоящих вкруг, положив руки друг другу на плечи²³.

Очевидно, иконография харит в раннем и позднем вариантах были хорошо известны и в античных центрах Северного Причерноморья, но в Ольвии первых веков н. э. в культовом обиходе удерживался более архаичный тип изображения.

Можно ли говорить о характере культа харит в Ольвии, о связи его с почитанием других богов? Для раннего периода естественна связь почитания харит с культом Аполлона²⁴ и Гермеса. Однако характер почитания харит изменялся под влиянием местной среды²⁵. Дальнейшее накопление материала позволит по всей вероятности, установить эти особенности.

²³ ОАК за 1894 г., стр. 45, рис. 68.

²⁴ См. О культах Ольвии: G. M. Hirst, *The cults of Olbia*, *The Journal of Hellenic Studies*, т. т. XXII—XXIII, 1902—1903; Русский перевод в ИАК, в. 27, 1908, И. Толстой. Култ Аполлона на Боспоре и в Ольвии, „Журнал Министерства народного просвещения“, т. 351, ч. 1—2, 1904, стр. 1—15.

²⁵ И. Д. Марченко. К вопросу о культах азиатского Боспора. ВДИ № 2, 1960, стр. 107; М. Ростовцев. Новая книга о Белом острове и Таврике (И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Петроград, 1918), ИАК, 65, 1918, стр. 181.

АНТИЧНЫЕ ГЛИНЯНЫЕ ШТАМПЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОДЕССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В. И. Кузьменко

Среди многочисленных археологических памятников, хранящихся в Одесском музее, представляют немалый интерес глиняные штампы, которые использовались в античную эпоху для нанесения личных знаков мастера или знаков собственности на амфоры, на днища бытовых сосудов, на светильники, грузила от рыболовных сетей, на грузила от ткацких станков, на ювелирные изделия и т. д. Оттиски штампов, хотя и редко, встречаются на фризах строительной штукатурки.

В нашей специальной литературе штампы, хотя и упоминаются довольно часто, но авторы не всегда подробно останавливаются на их описании¹, а штампы, хранящиеся в различных музеях, не опубликованы.

В данной небольшой публикации мы ставим перед собой целью описать только штампы нашего музея из античных городов Северного Причерноморья.

Штампы интересующего нас времени обычно изготовлены из глины хорошего откула и хорошо обожжены. Чаще всего наши глиняные штампы изготовлены из амфорных ручек. Штамп обычно представлял собой невысокий стержень, с одной стороны мягко закругленный (ручка), с другой заканчивающийся плоскостью, на которой вырезан собственно рисунок штампа (рабочая часть).

Глиняные штампы нашей коллекции происходят из различных мест.

Первый штамп из Пантикапея сделан из сероглиняной амфорной ручки, имеет форму конуса (верхняя часть конуса отбита). Диаметр верхней части 2 см, диаметр нижней части 3,5 см, высота штампа 3,6 см. На нижней плоской части штампа острым предметом по сырой глине вырезан узор розетки (рис. 1, 5). Рисунок сделан четко, лепестки розетки и середина ее прочерчены по два раза. Края штампа специально

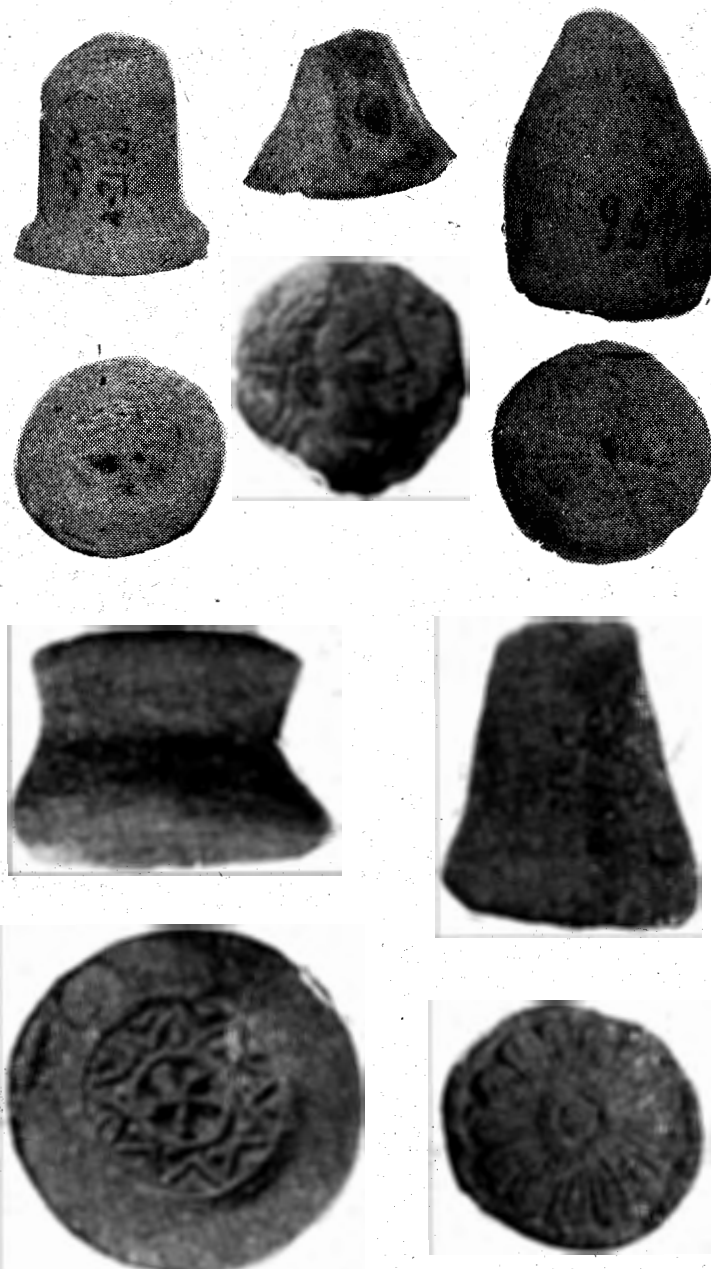

Рис. 1. Глиняные штампы из Пантикапея (1, 4-5) и из Ольвии, (2, 3).

¹ А. А. Миллер, Краткий отчет (1924—1925), Сообщения ГАИМК, т. 1, 1926, стр. 118, рис. 22.